

Н. В. Водовозов

Экономические этюды

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. В. Водовозов**
Экономические этюды / Н. В. Водовозов – М.: Книга по Требованию, 2016. –
510 с.

ISBN 978-5-518-02302-4

ISBN 978-5-518-02302-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Шарль Фурье ¹⁾.

Ни въ обществѣ, ни въ литературѣ нѣтъ вполне установившагося взгляда на Фурье. Одни видятъ въ немъ только безумнаго мечтателя, другіе—выдающагося мыслителя. Одни обвиняютъ его въ безнравственности, другіе называютъ проповѣдникомъ новой, болѣе чистой и совершенной нравственности. Историки-экономисты относятся къ Фурье въ большинствѣ случаевъ крайне неблагоклонно; они ему отказываютъ въ званіи ученаго и помѣщаютъ въ рубрику «утопистовъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе авторы-писатели, какъ Лоренцъ Штейнъ и Милль, даютъ довольно благоклонныя характеристики ученія Фурье.

Если отъ оцѣнки вѣядовъ Фурье обратиться къ вопросу объ ихъ исторической роли, то здѣсь окажется уже гораздо больше единодушія въ мнѣніяхъ. Никто не станетъ отрицать, что идеи

¹⁾ При изложеніи ученія Фурье изъ его собственныхъ сочиненій мы руководствовались главнымъ образомъ двумя: *Le nouveau monde industriel & sociétaire*. Везапсон, 1828, и *L'Harmonie universelle et le phalanstère. Recueil méthodique de morceaux choisis de l'auteur*. 2 тв. Paris. 1849. Большимъ подспорьемъ служили для насъ также книги В. Консидерана: *Destinée sociale*. 3 тв. 3-me ed. 1849 и *Le socialisme devant le vieux monde ou le vivant devant les morts, suivi de: Jesus Christ devant les conseils de guerre* par V. Meunier. 4 tirage. Libr. phalanstérienne. Paris. 1850.

Приводимъ списокъ лучшихъ статей и книгъ, посвященныхъ Фурье:
— *Louis Reybaud*. „Etudes sur les reformateurs ou socialistes modernes“, 2 тв. 7-me ed. Paris, 1864.

— *Ch. Pellarin*. Charles Fourier, sa vie et sa théorie. 2-me ed. Paris, 1843.

— *Betel*. Charles Fourier. Sein Leben und seine Theorien. Stuttgart 1888.

— *L. Stein*. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. 2-e Ausgabe. 2 B. Leipzig, 1848.

— *Исаевъ*. Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ. „Юридическій Вѣстникъ“, 1848 г., №№ 4 и 5.

— *Dr. Otto Warschauer*. Geschichte des Socialismus und neueren Communismus. Zweite Abth. Fourier und seine Schül.

Фурье нашли въ свое время массу горячихъ приверженцевъ, какъ на ихъ родинѣ, такъ и во многихъ другихъ странахъ. Люди, знакомые съ позднѣйшей исторіей этихъ идей, не станутъ оспаривать и того, что они оказали значительное вліяніе на многихъ представителей экономической науки.

Такимъ образомъ совершенно оправдывается тотъ интересъ къ Фурье, который обнаруживается на Западѣ, особенно въ послѣднее время. Доказательствомъ его можетъ служить обширная литература, посвященная изложенію и оцѣнкѣ сочиненій французскаго мыслителя, и между прочимъ появившіяся въ послѣдніе годы слѣдующія, специально его касающіяся, книги: *Bebel, Charles Fourier, sein Leben und seine Theorien*; *D-r Otto Warschauer Fourier u. seine Schule* и *Oeuvres choisies de Fourier* въ *Petite bibliothèque des économistes* Гильомэна.

Но если интересно ученіе Фурье, то такъ же интересна и его жизнь. Простой приказчикъ, собственными силами дополнившій свое крайне скудное формальное образованіе, свободно и съ знаніемъ дѣла трактующій о вопросахъ политическихъ, нравственныхъ и политической экономіи, и наконецъ выступающій реформаторомъ всего общественнаго строя,—явленіе, надо сознаться, совершенно исключительное. Судьба, такого человѣка заслуживаетъ того, чтобы надъ ней нѣсколько остановиться и задуматься...

Историки-экономисты относятся къ Фурье неблагосклонно, онъ до сихъ поръ фигурируетъ у нихъ подъ именемъ «утописта», да еще особенно утопическаго утописта. Въ обыкновенныхъ изложеніяхъ его идей первое мѣсто занимаютъ всегда пророчества Фурье о будущихъ твореніяхъ въ животномъ мірѣ и о космическихъ перемѣнахъ; затѣмъ идетъ заманчиво-невѣроятное описаніе счастливой жизни въ «Новомъ Мірѣ» и наконецъ случайныя выборы изъ его «психологіи», гдѣ разнымъ страстямъ человѣка придаются какія-то непонятныя, нелѣпныя названія. Заканчивается обыкновенно подобное изложеніе цитатами, изъ коихъ видно, какимъ непоумѣреннымъ самовнѣніемъ отличался Фурье и какъ ревниво дорожилъ онъ всѣми мелочами этой своей безсвязной и фантастической системы... Экономическая сторона ученія Фурье, если ей и отводится извѣстное мѣсто, остается такимъ образомъ висящею въ воздухѣ и сводится только къ очень рѣшительнымъ, но совершенно бездоказательнымъ *требованіямъ*.

Знакомясь съ Фурье по такимъ изложеніямъ, читатели заранѣе готовы согласиться съ самыми рѣзкими приговорами на его счетъ, въ особенности когда эти приговоры исходятъ отъ различныхъ и притомъ, повидимому, вполне авторитетныхъ лицъ. Съ полнымъ презрѣніемъ о Фурье говорятъ и Дюрингъ, и Шафле, и Грюнъ, и Ферразъ, и Лавеле, и Прудонъ; всѣ они склонны въ немъ видѣть фантазера, мечтателя, сумасшедшаго, и ужь никоимъ образомъ не ученаго экономиста. Конечно, на ряду съ неблагопріятными оцѣнками можно указать и на нѣкоторые благосклонные отзывы, на нѣсколько болѣе или менѣе сочувственныхъ характеристикъ его ученія. Ихъ дѣлали въ Германіи, напр., Лоренцъ Штейнъ, въ Англіи — Дж. Ст. Милль, у насъ въ Россіи — проф. А. Исаевъ. Но двѣтри благосклонныя оцѣнки тонуть въ массѣ осужденій, такъ что общее впечатлѣніе получается такое, что экономисты совсѣмъ не желаютъ видѣть въ Фурье своего собрата. Это тѣмъ болѣе выгядитъ такъ, что и до самаго послѣдняго времени Фурье не дождался признанія, и въ наши дни, если встрѣчается гдѣнибудь упоминаніе о немъ, то это обыкновенно упоминаніе въ насмѣшливомъ или порицающемъ тонѣ. Любопытно, что даже въ новомъ изданіи его избранныхъ сочиненій, которыя составили томикъ въ «Маленькой библиотекѣ экономистовъ» Гильомэна, вступительная статья г. Жида представляетъ собою примѣръ такого же точно насмѣшливо-осуждающаго отношенія. Въ Германіи надъ нимъ издѣвается въ наши дни Гуго Эйзенхартъ въ своей довольно распространенной «Исторіи политической экономіи», у насъ же въ книгѣ г. Щеглова («Исторія социальных системъ») сдѣлана была даже оригинальная попытка собрать воедино всю брань, какая только сыпалась когда-нибудь на голову Фурье. Самъ авторъ этой quasi-исторіи, изложивши его систему по объясненному выше шаблону, приходитъ къ такому заключенію, рѣзкость котораго равняется только его полнѣйшей неосновательности. «Если Фурье не сумасшедшій, не шарлатанъ», говоритъ г. Щегловъ, «то всѣ чудовищности, высказанныя имъ, не что иное, какъ слѣдствіе теоретическаго изгнанія логики, удаленія ума изъ его собственной, исключительно ему принадлежащей области мысли. Вслѣдствіе чего мысль Фурье дѣйствительно и сполна превратилась въ бредъ, да притомъ въ бредъ съ особеннымъ характеромъ крайней безнравственности, униженія человѣческой природы, низведенія ея на низшія сту-

•

пени царства животнаго. Система Фурье не может быть превзойдена никакой неблагоприятной оцѣнкой...».

Нечего и говорить, что такъ жестоко осужденный критикой, Фурье не встрѣтилъ къ себѣ безпристрастія и со стороны публики, которая въ отношеніи къ нему раздѣлилась на двѣ неравныя группы: одни, читая его сочиненія, поражались глубиной мысли, увлекались вѣрою автора и дѣлались ревностными адептами новаго ученія, другіе — и такихъ большинство — знакомились съ нимъ по изложеніямъ, смѣялись надъ пророческими крайностями Фурье и не хотѣли признавать за нимъ никакого научнаго значенія. Отдаленность того времени, когда онъ писалъ, и съ тѣхъ поръ подвинувшаяся значительно впередъ экономическая наука позволяютъ намъ теперь отнести къ Фурье и болѣе безпристрастно, и болѣе справедливо. Тѣмъ не менѣе время всеобщаго признанія, какъ уже сказано, для Фурье еще не наступило. Съ именемъ его еще не связывается сколько-нибудь отчетливаго представленія объ его заслугахъ, тогда какъ каждый хоть въ общихъ чертахъ да знаетъ, что сдѣлали для полит. экономіи Кенэ, Ад. Смитъ, Тюрго, Рикардо, Милль, Карлъ Марксъ. А между тѣмъ значеніе Фурье въ исторіи экономической науки велико и неоспоримо, хоть его роль была и не совсѣмъ такого характера, какъ только что перечисленныхъ нами экономистовъ.

Желая съ своей стороны сдѣлать все для вѣрной оцѣнки Фурье, мы постарались взглянуть на него со всѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ и въ настоящей статьѣ сдѣлали попытку изложить его идеи въ необходимой связности и полнотѣ. Предпославъ изложенію самой системы нѣкоторые факты изъ жизни Фурье, характерные и для его міровоззрѣнія, и для его нравственной личности, мы въ то же время считали нужнымъ присоединить и такую часть, которая менѣе существенна въ біографіяхъ всѣхъ извѣстныхъ, всѣми признанныхъ ученыхъ. Изложеніе идей Фурье мы заключили ихъ критической оцѣнкой, гдѣ, строго выдѣливъ и осудивъ всю утопическую часть его системы, мы постарались дать вѣрное понятіе объ ея положительной сторонѣ, о руководящихъ принципахъ Фурье и о томъ отношеніи, въ которомъ они находятся къ современному знанію. Смѣемъ надѣяться, что въ такомъ видѣ біографія эта послужитъ къ тому, что наши читатели отдадутъ необходимую дань уваженія французскому мыслителю, не мало потрудившемуся надъ расчищеніемъ поля политической экономіи отъ старыхъ заблуж-

деній и надъ проложеніемъ для нея совершенно новыхъ и дѣйствительно вѣрныхъ путей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родители.—Дѣтство.—Забавы, вкусы, занятія.—Школа.—Путешествія.—Осада Ліона.—Потеря имущества.—Отношеніе къ революціи.—Военная служба.

Шарль Фурье родился въ Безансонѣ 7-го апрѣля 1772 года. Онъ былъ единственнымъ сыномъ и самымъ младшимъ членомъ семьи. Родители его занимались торговлей, промысломъ предковъ, и потому всѣ домашнія традиции имѣли характеръ исключительно купеческій. Фурье-отецъ пользовался извѣстнымъ уваженіемъ среди мѣстныхъ торговцевъ, что и выразилось между прочимъ въ избраніи его первымъ судьей по торговымъ дѣламъ. Однако ни уваженіе согражданъ, ни должность судьи не помѣшали ему быть человѣкомъ мало образованнымъ и даже не вполне грамотнымъ. Не лучшее образованіе получила и мать Фурье. Выросшая въ купеческой средѣ, она была очень религіозна, очень экономна,—хозяйка въ полномъ смыслѣ этого слова. До насъ дошла нѣкоторая часть ея переписки съ дѣтьми, изъ которой видно, какъ она была расчетлива въ денежныхъ дѣлахъ и какихъ подробныхъ сообщеній требовала отъ своихъ дѣтей о всѣхъ ихъ, самыхъ мелочныхъ, расходахъ. Особенно возставала она противъ нарядовъ, и это даже служило поводомъ для нѣкоторыхъ раздоровъ въ семьѣ; сестры Фурье любили наряжаться и не упускали случая попросить денегъ у матери на модную шляпку или на новыя ботинки. Въ этомъ маленькомъ расточительствѣ не было, впрочемъ, никакого протеста противъ купеческихъ традицій семьи, которая въ нихъ какъ разъ выразилась съ особенной силой; всѣ три онѣ вышли замужъ за торговцевъ; одна же изъ нихъ имѣла впоследствии даже свой собственный магазинъ.

Шарль Фурье, какъ уже сказано, былъ единственнымъ сыномъ. Это обстоятельство доставляло ему въ семьѣ нѣкоторыя преимущества. Въ то время, какъ его сестры не безъ труда отвоёвывали себѣ тѣ или иныя части туалета и видимо вообще

стѣснялись каждымъ сантимомъ, маленькій Шарль располагалъ уже карманными деньгами и тратилъ ихъ довольно свободно на удовлетвореніе своихъ вкусовъ. А вкусы эти, надо сказать, значительно разнились отъ всего, что ожидаешь встрѣтить въ подобной семьѣ. Ребенокъ слабый, болѣзненный, Фурье съ самаго ранняго дѣтства отличался склонностью къ мечтательности и поэтическимъ увлеченіямъ. Шумныя игры дѣтей привлекали его меньше уединенныхъ занятій музыкой или чтеніемъ книгъ. По свидѣтельству одной изъ его сестеръ, онъ очень рано уже умѣлъ играть на многихъ музыкальныхъ инструментахъ, хотя и дошелъ до этого самъ, ни у кого не учась, никого не спрашивая. Другою страстью Фурье были цвѣты. Комната его представляла собою настоящую оранжерею: различныя растенія въ необыкновенномъ порядкѣ покрывали и полъ, и окна, для самаго же хозяина оставался только небольшой уголокъ:

Любовь къ уединенію и нѣкоторая мечтательность развили въ мальчикѣ сильное воображеніе. Воспитанный религіозно, онъ останавливался не разъ на мысли о загробной жизни, и тогда страшная картина ада въ самыхъ ужасныхъ краскахъ рисовалась передъ его глазами. «Семи лѣтъ», рассказывалъ Фурье впоследствии, «я былъ очень напуганъ горячими угольями и кипящими котлами. Меня постоянно водили на разныя проповѣди и службы, и вотъ, наконецъ, пораженный угрозами проповѣдниковъ и кипящими котлами, не дававшими мнѣ покою по ночамъ, я рѣшилъ покаяться въ цѣлой массѣ грѣховъ, о которыхъ и понятія тогда не имѣлъ, но которые, какъ мнѣ казалось, могъ совершить, самъ не сознавая того. Я думалъ, что лучше преумножить свои грѣхи, чѣмъ опустить хоть одинъ». Фурье рассказываетъ, какъ разсердился священникъ, когда услышалъ, что семилѣтній ребенокъ обвиняетъ себя въ сладострастіи и въ симоніи. Служитель церкви увидѣлъ въ этомъ глупую шутку, намѣренную ложь, чуть только не оскорбленіе самой исповѣди. «Но онъ былъ не правъ», замѣчаетъ Фурье: «не сердиться тутъ нужно было, а смѣяться... Ребенокъ, обвиняющій себя въ симоніи!.. Но еслибъ онъ мнѣ далъ договорить до конца, я бы перечислилъ ему еще всѣ роды преступленій: все, что только находилъ самаго непонятнаго для себя въ катехизисѣ; я рѣшилъ обвинить себя въ чемъ угодно, только бы не пропустить грѣха, который могъ меня свергнуть въ геенну огненную»...

Было бы ошибочно по этой исповѣди судить о лживости

мальчика и вообще видѣть въ ней что-либо, кромѣ естественнаго продукта болѣзненно-разстроенаго воображенія. Наклонностью ко лжи Фурье не отличался, хотя мы и встрѣтимся еще съ однимъ случаемъ, когда онъ давалъ о себѣ тоже невѣрные показанія, даже напротивъ—ненависть къ обману, къ неправдѣ была отличительной чертой его характера. Вотъ, напр., какой эпизодъ изъ его дѣтства сохранился въ памяти его учениковъ, которымъ онъ самъ объ этомъ рассказывалъ. Торговля не могла особенно привлекать маленькаго Фурье, занятаго своими книгами, цвѣтами и музыкой. Но, въ раннемъ дѣтствѣ, онъ интересовался, конечно, и тѣмъ, чтó дѣлали старшіе, а потому нерѣдко вертѣлся въ магазинѣ отца, смотрѣлъ на покупателей и на торговлю. Разъ какъ-то (ему было тогда всего 5 лѣтъ) онъ увидѣлъ, что его отецъ кого-то обмѣрилъ; не задумавшись ни на минуту, онъ тутъ же на мѣстѣ раскрылъ весь обманъ. Нечего и говорить, что за такое разоблаченіе онъ поплатился жестоко: отецъ его высѣкъ, да и могъ ли остаться покойнымъ старый торговецъ въ виду такого безпримѣрнаго въ купеческомъ быту проступка!

Все, что мы знаемъ еще о дѣтствѣ Фурье, рисуетъ намъ его очень правдивымъ и добрымъ мальчикомъ. Въ компаніи другихъ дѣтей онъ всегда заступался за болѣе слабыхъ и былъ прекраснымъ, преданнымъ товарищемъ. Видъ нищеты вызывалъ его особенное сочувствіе, выражавшееся иногда въ самой трогательной формѣ. Такъ напр., уходя въ школу, онъ бралъ съ собой завтракъ, но по дорогѣ отдавалъ его одному нищему, никогда и никому объ этомъ не проговариваясь. Только съ отъѣздомъ Фурье изъ Безансона, когда нищій пришелъ узнать о здоровьѣ «маленькаго барина», родители его впервые услышали объ этой постоянной и скромной милостыни.

Школа, которую посѣщалъ Фурье въ Безансонѣ, дала ему, повидимому, не слишкомъ много; наряду съ обязательными уроками, которые онъ отбывалъ вообще очень успѣшно, даже съ наградами, мы видимъ постоянно самостоятельныя и очень усидчивыя занятія. Эта особенная пытливость дѣтскаго ума заслуживаетъ быть отмѣченной здѣсь потому, что въ окружающей средѣ она не могла найти себѣ никакой поддержки: родители Фурье жалали воспитать въ своемъ единственномъ сынѣ отнюдь не ученаго, но купца, преемника всѣхъ ихъ торговыхъ операций. А между тѣмъ склонности мальчика были совсѣмъ не практиче-

скаго характера: онъ обладалъ богатыми математическими способностями, изучалъ логику, географію, физику, пописывалъ также стихи. Покончивъ съ безансонскою школою, ему хотѣлось поступить въ инженерное училище; нужно думать, что страсть къ географіи и математическія способности побудили его избрать именно это учебное заведеніе. Оказалось однако, что купеческое происхожденіе Фурье становилось на дорогѣ его намѣренію: въ инженерное училище принимались тогда только дворянскія дѣти. Правда, дворянство въ то время покупалось за деньги, но расчетливая г-жа Фурье не согласилась на просьбы сына, находя этотъ расходъ совершенно излишнимъ.

Приходилось стать за прилавокъ.

Отецъ Фурье умеръ, когда самому ему было лишь 9 лѣтъ. Въ завѣщаніи, оставленномъ имъ послѣ смерти, онъ распредѣлилъ свое имущество между дѣтьми такъ, что $\frac{2}{5}$ получалъ сынъ, а три дочери получали каждая по одной пятой части. Распоряженіе имуществомъ до совершеннолѣтія дѣтей ввѣрялось матери, которая и занялась торговлей, но, не рѣшаясь брать на себя всей отвѣтственности, вступила въ торговое товарищество со своимъ шуриномъ. Судьба эта оказалась чрезвычайно невыгодной, черезъ нѣсколько лѣтъ ее пришлось расторгнуть, и долго послѣ того семья Фурье тягалась по судамъ съ своимъ родственникомъ, чтобы заставить его вознаградить причиненныя ей убытки. Разстроенныя семейныя дѣла вынуждали молодого Фурье тотчасъ же по окончаніи школы приняться за добываніе средствъ. Выбора не было: торговля представлялась единственнымъ выходомъ. Къ счастью, однако, торговля повернулась къ нему сначала болѣе привлекательной своей стороною: она дала возможность Фурье удовлетворить практически свою страсть къ географіи.

18-ти лѣтъ мы застаемъ его въ Лионѣ, куда онъ уѣхалъ по настоянію матери учиться торговлѣ у одного богатаго купца. Но здѣсь онъ остается не долго: желаніе увидѣть новыя мѣста, узнать другихъ людей побудило Фурье переимѣнить патрона, и вотъ въ послѣдующіе годы мы видимъ его странствующимъ по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Франціи: онъ то въ Руанѣ, то въ Лионѣ, то въ Марсели, то въ Бордо. Въ своихъ скитаніяхъ молодой провинціалъ не могъ не заглянуть и въ столицу. Парижъ произвелъ на него самое сильное впечатлѣніе. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ описываетъ его своей матери: «Вы

спрашиваете, пришелся ли мнѣ по вкусу Парижъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Онъ великолѣпенъ; такъ что даже и я, который не легко поддаюсъ удивленію, я былъ просто очарованъ, увидѣвъ Пала-Рояль. Въ первый разъ кажется, что входишь въ жилище фей. Здѣсь есть все, чего только можно пожелать: прекрасныя постройки, зрѣлища, мѣста для прогулокъ, выставки модъ,—все, чего душа просить... Можно сказать, что это самое пріятное мѣсто, какое только существуетъ на свѣтѣ!»

Не удовольствовавшись одною Франціей, Фурье предпринялъ и нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ. Онъ посѣтилъ многіе города Германіи, Бельгіи, Голландіи, причеъ останавливался подольше въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ что-нибудь привлекало его особенное вниманіе. Не слѣдуетъ думать, что это были обыкновенныя увеселительныя поѣздки, къ которымъ его побуждало простое любопытство: въ большинствѣ случаевъ Фурье развѣзжалъ по порученію тѣхъ торговыхъ домовъ, въ которыхъ служилъ и которые, кстати сказать, онъ перемѣнялъ очень часто. Свои обязанности приказчика Фурье выполнялъ вполнѣ добросовѣстно—объ этомъ мы имѣемъ письменное удостовѣреніе отъ одного изъ его патроновъ. «Увѣряю Васъ, сударыня», писалъ одинъ лионскій торговецъ его матери, «что нѣтъ ничего равнаго доброму характеру вашего сына: онъ деликатенъ, честегъ и образованъ. Во всѣхъ моихъ поѣздкахъ онъ мнѣ доставлялъ самое большое удовольствіе.» Однако занятіе торговлей и сопряженные съ нею развѣзды, служа для Фурье постояннымъ источникомъ его матеріальныхъ средствъ, имѣли и другое, болѣе важное значеніе въ его жизни. Здѣсь пріобрѣлъ Фурье тѣ богатыя свѣдѣнія въ области архитектуры и географіи, которыми впоследствии онъ поражалъ учениковъ, здѣсь же онъ изучилъ въ деталяхъ торговое дѣло и такимъ образомъ былъ основательно подготовленъ къ критикѣ той торговли, которой онъ явился въ своихъ сочиненіяхъ самымъ ожесточеннымъ врагомъ. Вотъ почему для будущаго творца «Новаго Міра» годы странствованія были въ то же время и годами ученія.

1793-й годъ застаеъ Фурье въ Лионѣ. Онъ закупаетъ здѣсь партію колоніальныхъ товаровъ, повидимому, для своего семейнаго безансонскаго магазина. Какъ извѣстно, именно въ этомъ году городъ Лионъ оказалъ сопротивленіе революціонному правительству и вытерпѣлъ сначала продолжительную осаду, а затѣмъ суровую расправу со стороны уполномоченныхъ Кон-

вента. Фурье пережил это тяжелое время вмѣстѣ со всѣми обывателями Лиона и на ряду съ ними принималъ участіе въ защитѣ города. Нѣсколько разъ онъ былъ на волоскѣ отъ смерти: послѣ одной вылазки ему удалось вернуться съ поля битвы только съ очень немногими товарищами. А въ это время, когда онъ самъ защищалъ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, его товары служили для той же цѣли: тюки его хлопка нагромождались баррикадами у городскихъ воротъ, а сахаръ, чай, рисъ и другіе съѣстные припасы служили для подкрѣпленія раненыхъ. Сопротивленіе Лиона не привело ни къ чему: городъ былъ взятъ, и многіе изъ тѣхъ, кто избѣжалъ смерти въ сраженіяхъ, были теперь казнены, какъ мятежники. Въ числѣ другихъ арестовали и Фурье: ему также угрожала смертная казнь, и только какая-то удачная выдумка спасла его жизнь. «Каждый изъ насъ», писалъ онъ впоследствии, «чтобы спасти себя, не задумывался лгать революціонному комитету. Что касается меня лично, то въ одинъ день я обманулъ три раза комитетъ и тѣхъ, кто у меня дѣлалъ домашній обыскъ. Въ одинъ этотъ день я три раза избѣжалъ гильотины и думаю, что поступилъ хорошо, какъ бы о томъ ни судили господа моралисты».

Выпущенный послѣ того на свободу, онъ снова былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней и на этотъ разъ для своего освобожденія долженъ былъ пожертвовать карманными часами и богатой коллекціей картъ, которою онъ очень дорожилъ. Въ Безансонѣ, куда Фурье послѣшилъ бѣжать изъ Лиона, ему опять не повезло: мѣстная полиція нашла неисправными его бумаги и заключила его въ тюрьму впредь до разъясненія дѣла. Не желая беспокоить семью, Фурье объ этомъ никому не далъ знать и проводилъ свое время въ заточеніи, играя на скрипкѣ и на гитарѣ. Однако слухъ объ его арестѣ распространился все же по городу, и тогда одинъ вліятельный родственникъ Фурье послѣшилъ выхлопотать ему освобожденіе.

Не дешево обошлось Фурье это лионское возстаніе. Кромѣ личныхъ передрягъ, которыя оно ему доставило, все его имущество погибло во время осады: онъ былъ разоренъ въ конецъ. Нѣкоторые позднѣйшіе критики видятъ въ этомъ основную причину враждебнаго отношенія Фурье къ революціи. Мы думаемъ однако, что факты не подтверждаютъ такой догадки. Свое несчастіе Фурье переносилъ необыкновенно благодушно, и послѣ, находясь въ очень стѣсненныхъ условіяхъ, онъ ни-